
С. И. ВАЙНШТЕЙН

ДРЕВНИЙ ПОР-БАЖИН

На одном из небольших «необитаемых» островков озера Тере-Холь, расположенного среди тайги и гор в истоках Малого Енисея на крайнем юго-востоке Тувы, сохранились развалины древней крепости (рис. 1). Местные жители называют ее Пор-Бажин (Бор-Бажин), что означает глиняный дом. Такое название крепость, по-видимому, получила из-за поныне величественно возвышающихся над островом глиняных стен.

Загадочные развалины на маленьком островке таежного озера издавна привлекали внимание путешественников и ученых.

Слухи о городе в «вершине Енисея реки» дошли до Семена Ульяновича Ремезова — известного составителя летописи, автора ряда карт Сибири, работа над которыми была начата в 1696 и закончена в 1701 году. На его «Чертеже земли Красноярского города» у берегов озера, показанного в истоках Енисея, условно обозначен город и сделана надпись: «город каменный старой две стены целы, две развалили, а котора города того незнаем»¹. Видимо, среди информаторов Ремезова «всяких розных чинов русских людей и иноземцев» были люди, слышавшие о Пор-Бажин, а может быть, и добиравшиеся до его развалин.

Впервые крепость была обследована в 1891 г. этнографом и археологом Д. А. Клеменцом, участником русской Орхонской экспедиции в Среднюю Монголию. Наряду с осмотром памятника Клеменц сделал глазомерный набросок его плана. В опубликованном Клеменцом археологическом дневнике² приведены некоторые сведения о Пор-Бажин. Клеменц считал, что этот памятник в Туве «занимает первое место среди древностей»³. Он писал, что озеро Тере-Холь (Тери-Нур) лежит «на высоте 4000 футов... не светлые лиственничные рощи покрывают здесь горы; характер лесов и растительности напоминает уже глухую саянскую тайгу. Здесь живут... скотоводы и рыболовы, а недалеко к северо-западу — звероловы. Дороги к озеру с запада, востока и юга идут через утесистые и высокие хребты»⁴. Клеменц отметил сходство внешнего вида развалин на озере Тере-Холь с остатками древнего города Кара-Балгасун на р. Орхон в Монголии. Он высказал предположение, что строителями Пор-Бажин были «не монголы и не китай-

¹ «Чертежная книга Сибири, составленная Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г.», СПб., 1882, л. 17 (15).

² Д. А. Клеменц, Археологический дневник поездки в Среднюю Монголию в 1891 г., «Сборник трудов Орхонской экспедиции», СПб., 1895, стр. 68—72.

³ Д. А. Клеменц, Указ. раб., стр. 68.

⁴ Там же.

цы и вряд ли кидане или джурджени. Вероятнее всего тот же или родственник народ строителям древнего Каракорума»⁵. Но без проведения раскопок нельзя было установить, кто, когда и зачем строил Пор-Бажин. Заканчивая свое сообщение о Пор-Бажин, Клеменц с сожалением говорит: «А какой город и чей — не знаем»⁶.

До настоящего времени район Тере-Холя труднодоступен, но связь с ним поддерживается уже не только по выючным тропам через горные хребты, но и самолетами. Бывшие кочевники, оленеводы-охотники и скотоводы объединились в колхоз «Тере-Холь», переселились из юрт и чумов в добротные дома нового колхозного поселка Кунгуртук, расположенного в нескольких километрах от восточного берега озера.

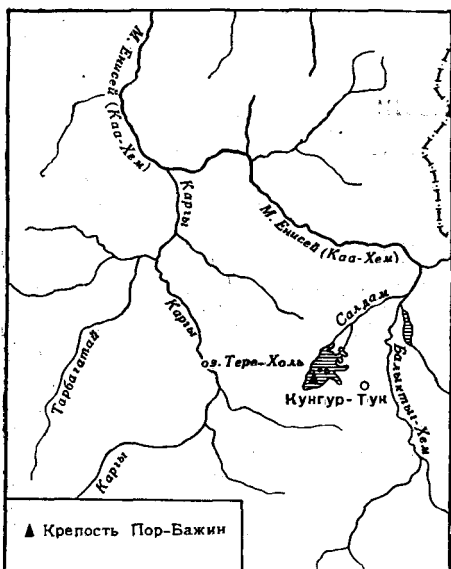

Рис. 1. Схематическая карта положения крепости Пор-Бажин

Развалины крепости на оз. Тере-Холь овеяны народными легендами. Одна из них связывает Пор-Бажин с именем Эльчиген-кулак хана, т. е. хана Ослиные уши. Хан, получивший такое имя из-за уродливых ушей, убивал всех, кто видел их. Лишь одному брадобрею удалось избежать смерти, и он поведал миру об ослиных ушах хана⁷. Другая легенда рассказывает, что крепость была построена неким ханом в истоках Малого Енисея в долине, а озеро образовалось позднее, причем вода хлынула из колодца, построенного в крепости. Название озера легенда объясняет тем, что убежавший от воды хан, поднявшись на перевал, посмотрел в сторону долины, где находилась крепость, и с удивлением воскликнул по-монгольски: «Тери-нур болчи!» (Она стала озером!). Возвышающиеся к юго-востоку от озера горные хребты, через которые, по преданию, бежал хан, и теперь называются Хан-Тайга.

Пор-Бажин я посетил впервые в 1952 г., собрал подъемный материал, сделал описание и снял план⁸. В небольшой статье, опубликованной после экспедиции на Тере-Холь, я вслед за Д. А. Клеменцом, Г. П. Сосновским и Л. П. Потаповым⁹ высказал предположение, что памятник сооружен уйгурами в период Уйгурского каганата (середина VIII — середина IX в.)¹⁰.

Раскопки Пор-Бажина были начаты нами в 1957 г.¹¹ В 1963 г. рас-

⁵ Д. А. Клеменц, Указ. раб., стр. 71.

⁶ Там же, стр. 72.

⁷ Сюжет этой легенды чрезвычайно широко распространен у народов Азии и не может поэтому рассматриваться как источник для каких-либо выводов по истории памятника.

⁸ См. С. И. Вайнштейн, Отчет об археологических исследованиях Тере-Холя в 1952 г., Архив Института археологии АН СССР, Р-1, № 806.

⁹ Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953, стр. 96.

¹⁰ С. И. Вайнштейн, Древняя крепость на озере Тере-Холь, газ. «Тувинская правда», 25 сентября 1953 г.

¹¹ См. С. И. Вайнштейн, Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг., «Уч. зап. Тувинского научно-исследовательского ин-та языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ)», вып. VI, Кызыл, 1958, стр. 228—229.

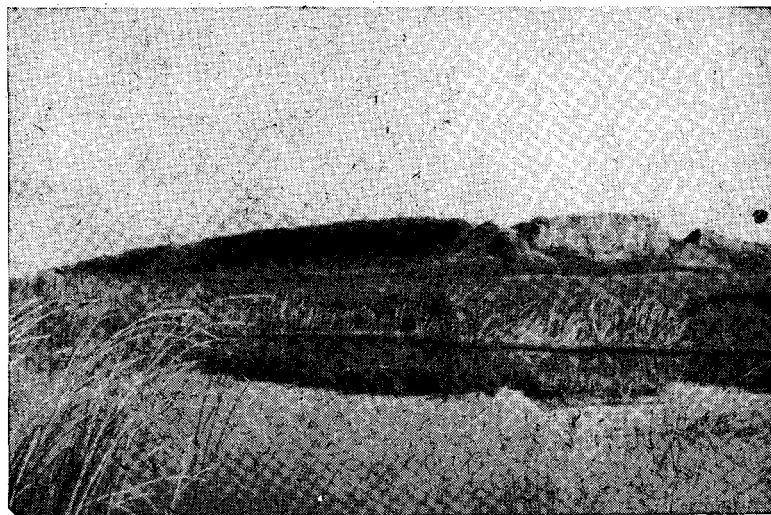

Рис. 2. Вид на Пор-Бажин со стороны озера

ковки были продолжены Восточнотувинским отрядом Тувинской экспедиции Института этнографии Академии наук СССР¹² совместно с Тувинским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории и Тувинским республиканским музеем¹³.

Пор-Бажин находится на острове площадью около 6 га. Остров, расположенный примерно в 2 км от заболоченного южного берега озера, покрыт густой травой и кустарником. Почти вся площадь острова занята крепостью. В плане она подпрямоугольна и ориентирована стенами по странам света, длинная ось ее проходит с запада на восток. Длина крепости около 211 м, ширина около 158 м. Ее стены, хотя и разрушенные временем, поднимаются на высоту около 10 м. Стены были глинобитными, в них сохранились следы поперечно и продольно уложенных деревянных жердей толщиной в среднем до 15 см, теперь на их месте в стенах остались углубления. Южная и северная стены частично разрушены, сравнительно хорошо сохранились западная и восточная. В середине восточной стены находятся ворота с хорошо укрепленными привратными башнями, на которые с внутренних сторон поднимаются параллельно стенам въезды-пандусы. В юго-западном углу крепости сохранились остатки вынесенной вперед башни. Высокие стены в сочетании с башнями служили весьма эффективным средством обороны (рис. 3).

Внутри крепости, главным образом вдоль северной, западной и южной стен, сохранились следы двадцати семи жилищ и служебных построек в виде небольших задернованных возвышений. Внешнее

¹² Начальник Тувинской экспедиции Института этнографии АН СССР Л. П. Потапов.

¹³ В раскопках участвовали: С. И. Вайнштейн (руководитель), М. Х. Маннайоол (научный сотрудник), С. Биче-оол (научный сотрудник), Т. А. Либерман (архитектор), П. Г. Демчев (художник), а также рабочие-землекопы — в большинстве своем члены колхоза «Гере-Холь». Считаю необходимым с благодарностью отметить большую помощь экспедиции со стороны общественности и местных организаций Тувинской АССР, в особенности Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории и его директора — Н. А. Сердобова.

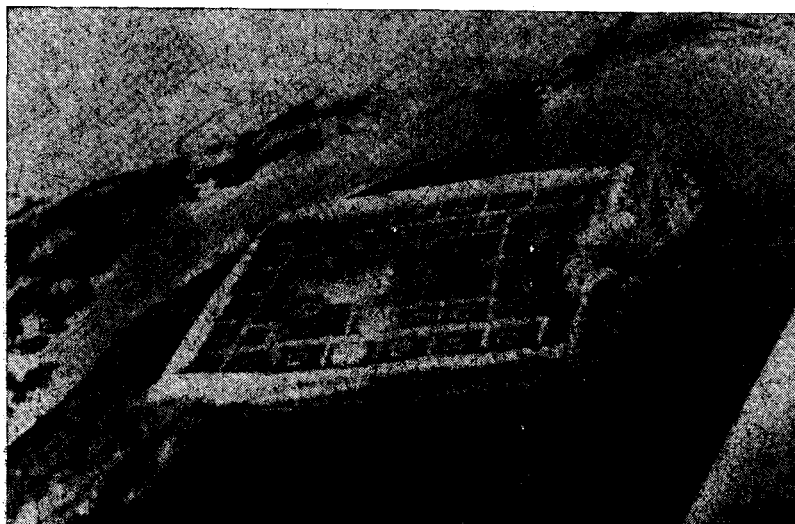

Рис. 3. Вид на Пор-Бажин с самолета

Рис. 4. Начало раскопок Пор-Бажин

обследование, а также раскопки некоторых из них позволили установить, что жилища имели размер в среднем $7 \times 8 \text{ м}^2$ и состояли из двух комнат. Каждое жилище было окружено небольшим двориком, отделенным от соседних сравнительно невысокой глинобитной стеной. В раскопанных жилищах и подсобных постройках в 1957 и 1963 гг. были найдены обломки керамической и каменной посуды с прямым и отогнутым венчиком, железные гвозди, небольшая ритуальная глиняная антропоморфная статуэтка на подставке с ручками и другие вещи.

В центральной части крепости находились два подквадратных в плане земляных холма высотой до 2 м, соединенных перемычкой. Холмы были расположены по оси запад — восток. Первый (восточный) холм имел размер $26 \times 26 \text{ м}$, второй — около $18 \times 18 \text{ м}$.

Под холмами были открыты два здания. Первое здание возведено на мощном основании — стилобате, платформе размером $23 \times 23 \text{ м}$, высотой 1 м, сложенной из тщательно утрамбованной глины и земли и

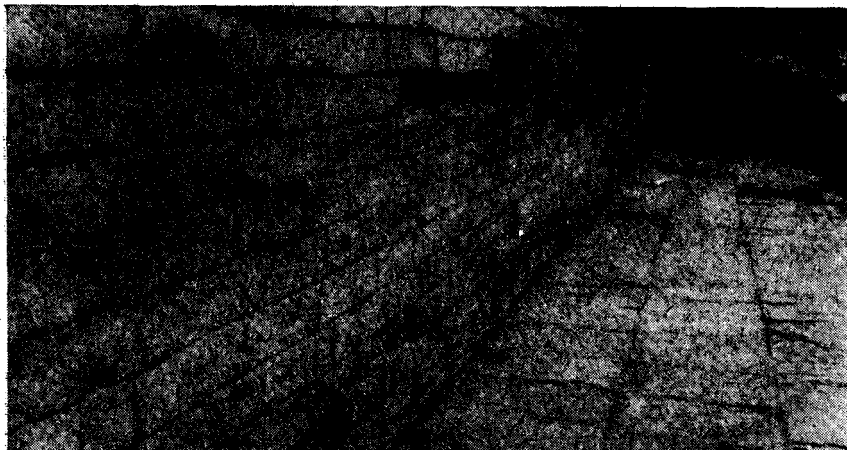

Рис. 5. Деталь облицовки южной стороны стилобата первого дворцового здания

Рис. 6. Деталь отмостки у восточной стороны первого дворцового здания

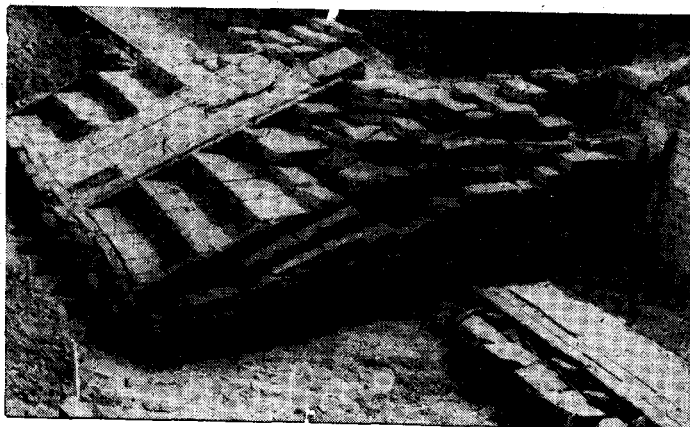

Рис. 7. Одна из парадных лестниц дворца

Рис. 8. Гранитная база с остатками деревянной колонны в первом здании дворца

облицованной хорошо обожженным кирпичом из серой глины (размер кирпича в Пор-Бажин около $30 \times 15 \times 6$ см (рис. 5)¹⁴. Вокруг здания имелась обходная отмостка шириной около 1 м, сложенная из трех рядов керамических плит (размер плит преимущественно около $30 \times 30 \times 6$ см). Отмостка имела бордюр из кирпичей, поставленных на ребро в два ряда с нерегулярной перевязкой швов (рис. 6).

С восточной стороны в здание вели две широкие восьмиступенные парадные лестницы (ширина около 4 м) из плит и кирпича. В центре каждой лестницы имелся пандус из плит (рис. 7). По бокам лестницы были облицованы 14 рядами кирпича, образовавшими орнаментальный узор. К восточной части здания с северной и южной стороны

¹⁴ Облицовка стилобата отличается большой тщательностью в отделке. Некоторые участки облицовки были дополнительно укреплены так называемыми замковыми камнями — гранитными брусками длиной до 0,5 м. Поверх кирпичной кладки лежали уложенные плашмя керамические плиты. При кладке кирпича строители стремились к плотному соединению стыков, для этого известковый раствор накладывали очень тонким слоем.

Рис. 9. Керамические украшения кровли дворца

примыкали въезды-пандусы. Северный пандус с восточной стороны имел кирпичную облицовку.

Кровлю здания поддерживали 36 массивных деревянных колонн диаметром около 40 см, опиравшихся на гранитные фундаменты, выступавшие за плоскость пола и служившие базами. Размер большинства баз в здании — около 60×60 см, толщина до 35 см (рис. 8). Внешняя плоскость некоторых баз была украшена геометрическим рельефным узором из косо заштрихованных треугольников, вписанных в диагонально рассеченный квадрат¹⁵. Колонны были связаны поперечными деревянными перекладинами. Толстые оштукатуренные внешние глиняные стены заполняли пролеты между колоннами по краям здания.

В раскопанной части первого здания было обнаружено несколько комнат различного назначения. Их разделяли тонкие (толщина до 10—12 см) оштукатуренные внутренние стены, поднимавшиеся, вероятно, не более чем на одну треть высоты комнат. На некоторых участках стен сохранились остатки деревянного каркаса из тонких столбиков. В процессе раскопок обнаружены орнаментальные фрески преимущественно геометрических форм, выполненные удивительно яркими теплыми красками с преобладанием красных, оранжевых и желтых тонов. В одной из комнат сохранился деревянный пол из досок. Кровля здания была покрыта серовато-белой цилиндрической черепицей двух типов: 1) узкие полуцилиндры толщиной до 2 см, диаметром 13—13,5 см; 2) широкие слабо вогнутые желоба шириной до 22 см, толщиной 1,5—2 см. На вогнутой стороне черепицы имелись отиски грубой ткани, которой был покрыт шаблон, применявшийся для изготовления черепицы. Кровлю украшали концевые керамические диски диаметром 12,5—13 см с отисками орнамента. Подавляющее большинство найденных дисков (около 150 штук) имело орнамент одного типа. Он состоял из трех концентрических поясков, разделенных двумя выпуклыми ободками. В центре находилась округлая выпуклинка, окруженная семью горошинами. Второй поясик включал округлые и подтреугольные выпуклинки, обращенные остриями к центру. Четвертый поясик

¹⁵ Любопытно, что у тувинцев подобным узором до недавнего времени украшали войлочные коврики.

состоял из небольших округлых выпуклинок (рис. 9 слева). Дисков, украшенных иным орнаментом, было всего четыре. Их узор состоял из круглого орнаментального пояса, образованного мелкими выпуклинками, заключенными в два ободка. Поясок окружал розетку с восемью чередующимися овальными и подтреугольными лепестками, в середине которой находилось пять выпуклинок (рис. 9 справа). Тяжелая черепичная кровля, вероятно, выступала за край здания и частично перекрывала отмостку. На некоторых плитах отмостки сохранились отпечатки босых ног строителей, лап собак, копыт животных.

К западу от первого находилось второе здание, соединенное с ним крытым переходом шириной около 6 м¹⁶. Второе здание также возведено на стилобате высотой около 1 м, но не облицованном кирпичом. Оно почти квадратно в плане — около 15×15 м. В здании несколько комнат, его кровлю, крытую цилиндрической черепицей, поддерживали восемь деревянных колонн, опиравшихся на гранитные базы.

Оба здания образовывали дворцовый комплекс. Дворец погиб в результате сильного пожара. Все деревянные части зданий обгорели, а некоторые сгорели почти полностью.

Вблизи второго дворцового здания (к северо-западу от него) в 1963 г. было раскопано подсобное помещение, кровля которого была также черепичная. На полу помещения найдены многочисленные обломки керамики. В полу была обнаружена яма, в которой находился очень тщательно уложенный клад из 101 железной кузнечной заготовки; отдельные заготовки весили до трех и более килограммов, на многих сохранились еще не расшифрованные клейма. Вероятно, в период неприятельского нашествия на крепость железные заготовки были спрятаны их владельцем.

Раскопки 1963 г. позволили решительно отказаться от высказанного ранее предположения, что Пор-Бажин был буддийским монастырем.

Следует отметить, что при строительстве сооружений Пор-Бажин были мастерски решены весьма сложные задачи. Весь комплекс прекрасно разработан в архитектурном отношении, работы были, несомненно, выполнены по единому, строго продуманному плану. Можно представить себе, какое сильное впечатление производил Пор-Бажин на того, кто, миновав стражу, входил между двумя высокими башнями в ворота. Вошедший попадал, прежде всего, в широкий двор, занимавший всю восточную часть крепости. Внутренние стены скрывали от него анфиладу дворов, связанных проходами, и вспомогательные и жилые постройки, расположенные симметрично оси дворцового комплекса. Когда же древний посетитель Пор-Бажин пересекал двор и проходил через узкие ворота во внутренних стенах на центральную площадь крепости, перед его глазами возникал величественный дворец с четкими линиями облицовки стилобата и белоснежными стенами. Широкие парадные лестницы с пандусами в центре усиливали впечатление. Выразительность строгой симметрии здания подчеркивала красивая волнистая серо-белая крыша, увенчанная по краям орнаментированными дисками.

По всей вероятности, непосредственно с крепостью связана и каменная стела, возвышающаяся на небольшом холме на северном берегу озера напротив Пор-Бажин. На юго-восточной плоскости стелы вы-

¹⁶ Базы колонн, поддерживавших кровлю перехода, были несколько меньшего размера, чем в зданиях.

бита руническим алфавитом надпись, к сожалению, плохо сохранившаяся.

Для датировки Пор-Бажина важное значение имеют найденные нами во время раскопок концевые орнаментированные диски черепицы. Известно, что подобные керамические украшения кровли могут служить надежным источником для датировки архитектурных памятников Востока. Ближайшие аналоги большинству концевых дисков кровли дворцов Пор-Бажина имеются в находках С. В. Киселева из Орду-Балыка¹⁷. Орду-Балык был построен уйгурским каганом Баян-чором (Моюн-чуром)¹⁸ в 751—752 гг. в Монголии на р. Орхон и служил столицей уйгурского каганата до его разгрома кыргызами в середине IX в.

Совпадение до мельчайших деталей сложного орнаментального узора, размера и других особенностей большинства концевых дисков из Пор-Бажина и Орду-Балыка (Кара-Балгасуна) дополняется сходством в планировке этих памятников. Как не вспомнить утверждение Д. А. Клеменца о том, что если кто-нибудь начнет сравнивать планировку развалин крепости на оз. Тере-Холь с «планами старинных построек в Монголии, несомненно, поразится сходством первых с развалинами Хара-Балгасуна. Сходство настолько замечательное, что является невольной дерзкая мысль реставрировать недостающие подробности в одном из них по другому»¹⁹.

Приведенные выше факты позволяют отнести сооружение Пор-Бажин ко времени существования Уйгурского каганата, сблизить время строительства Пор-Бажин и Орду-Балыка.

Из исторических источников известно, что к середине VIII в. сильные степноуйгурские племена, населявшие северную часть монгольских степей, подняли восстание против Тюркского каганата, которому они были подчинены. Энергичному и воинственному Баян-чору (кагану с 746 г.) удалось в 745 г. победить последнего хана Тюркского каганата Озмыш-тегина. С падением могущества Тюркского каганата господствующее положение в восточной части Центральной Азии занял Уйгурский каганат. Владычество уйгуров распространилось на огромной территории от Алтая на западе до Хингана на востоке, от Саянских гор на севере до предгорий Инь-Шаня на юге²⁰. В 1909 г. Г. И. Рамstedт была найдена в бассейне р. Селенги²¹ надпись руническим шрифтом на камне, содержащая сведения о военных похо-

¹⁷ Фотоснимки и описание концевых дисков черепицы из Орду-Балыка опубликованы С. В. Киселевым в 1959 г., «Сов. археология», 1959, № 3, стр. 166, рис. 6.

Концевые диски из Пор-Бажин имеют черты сходства с керамическими украшениями кровли ряда других архитектурных памятников Восточной и Средней Азии, в частности, с керамическими дисками, найденными А. Н. Бернштамом при раскопках Ак-Пешима (Ак-Бешима) в Киргизии. А. Н. Бернштам датировал материалы своих раскопок XI—XII вв. (см. А. Н. Бернштам, Чуйская долина, «Материалы и исследования по археологии СССР», 14, М.—Л., 1950, стр. 54, табл. XXV), что сказалось на нашей предварительной датировке Пор-Бажин (см. С. И. Вайнштейн, Некоторые итоги работ археологической экспедиции НИИЯЛИ, стр. 229). Раскопки Ак-Пешима, проведенные в последующие годы, позволили уточнить его датировку и отнести памятник к VII—VIII вв. (см. Л. Зяблин, Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища, Фрунзе, 1961, стр. 4, 59—73).

¹⁸ Реконструкция имени кагана см.; J. R. Hamilton, Les ouighours à l'époque des cinq dynasties d'après les documents chinois, Paris, 1955, стр. 139.

¹⁹ Д. А. Клеменц, Указ. раб., стр. 71.

²⁰ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. 2, Л., 1926, стр. 331—400; Д. М. Позднеев, Исторический очерк уйгуров, СПб., 1899.

²¹ Г. И. Рамstedт, Как был найден Селенгинский камень, «Труды Троицко-Савско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического общества», т. XV, СПб., 1914, стр. 34—39.

дах Баян-чора. Первый перевод был сделан Рамstedтом²², а позднее, более точный перевод — С. Е. Маловым²³. Текст надписи содержит, в частности, следующее: «...в год тигра (750 г.) я пошел в поход против чиков. Четырнадцатого числа второго месяца сразился я у реки Кем. В тот же год (чики) подчинились... Потом у ключа... там я распорядился устроить свой беловатый лагерь и дворец (с престолом), там я заставил построить крепостные стены (заборы), там я провел лето, и там я устраивал моления высшим божествам (?). Мои знаки (тамги) и мои письма я там приказал сочинить (и врезать в камень). После этого, в тот же год осенью, я продвинулся на восток. Татар я призвал к ответу...»²⁴.

Река Кем — Енисей²⁵, чики — племена, населявшие в середине первого тысячелетия Туву. Следовательно, где-то в Туве нужно искать окруженный крепостными стенами дворец уйгурского завоевателя Центральной Азии Баян-чора.

Кроме крепости в Тере-Холе, в Туве известны остатки ряда других городищ, в том числе 14 городищ, сооруженных уйгурами. Долгое время (до 1957 г.) они считались поздними, их основание относили чуть ли не к XVIII веку. Это объяснялось тем, что предшествующие исследователи (Д. А. Клеменц, С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова), обследуя некоторые из этих городищ, не обнаружили в них культурного слоя²⁶.

В 1957 г. нам в результате специально предпринятых археологических разведок удалось впервые открыть в этих городищах культурный слой, изучение которого позволило надежно отнести их существование к домонгольскому времени (сооруженные уйгурами, они продолжали существовать и позднее, несколько запоздалые сведения о них дошли до Рашид-ад-Дина)²⁷. Раскопки уйгурских городищ были продолжены нами в последующие годы, причем было установлено, что так называемая «Дорога Чингиз-хана» является отнюдь не дорогой, как это было принято считать ранее, а грандиозным оборонительным валом, связывавшим уйгурские городища Центральной и Западной Тувы в единый оборонительный комплекс²⁸. Вслед за нами после опубликования первых результатов раскопок²⁹ к изучению уйгурских городищ приступила также экспедиция МГУ³⁰.

Несмотря на самое тщательное обследование всех городищ, ни в одном из них не обнаружены какие-либо следы сооружения дворцо-

²² Г. И. Рамstedт, Перевод надписи Селенгинского камня, «Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО», т. XV, стр. 40—49.

²³ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1959, стр. 30—44.

²⁴ Там же, стр. 40.

²⁵ L. Hambis, Notes sur Kām, nom de l'Enissei supérieur, «Journal Asiatique», т. 244, № 31, 1956, стр. 281—300.

²⁶ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев, Саяно-Алтайская экспедиция, «Краткие сообщения ИИМК», XXVI, М.—Л., 1949, стр. 123—124.

²⁷ Рашид-ад-Дин писал, что в двух смежных областях «Киргиз и Кэм-Кэмджиут... много городов и селений и кочевники в них многочисленны» («Сборник летописей», т. I, кн. I, М.—Л., 1952, стр. 150). Кэм-Кэмджиут — это область верхнего Енисея, т. е. территория современной Тувы. Из дальнейшего текста летописи можно сделать вывод, что приведенное сообщение относится ко времени до покорения в 1206—1207 гг. областей Киргиз и Кэм-Кэмджиут монголами Чингиз-хана.

²⁸ С. И. Вайнштейн, Некоторые итоги работ Археологической экспедиции НИИЯЛИ, стр. 227—228; его же, Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве, «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. VII, Кызыл, 1959, стр. 260—274.

²⁹ С. И. Вайнштейн, Археологические исследования в Центральной Туве, газ. «Тувинская правда», 30 июля 1957 г., № 150 (3929).

³⁰ Ср. Л. Р. Кызласов, Средневековые города Тувы, «Сов. археология», 1959, № 3.

вого типа. Да и невероятно, чтобы уйгурские городища Центральной и Западной Тувы, образовывавшие вместе с валом очень значительный для своего времени оборонительный комплекс вдоль Енисея и Хемчика, несомненно, предназначенный для защиты от кыргызов, были построены в начале пятидесятих годов VIII в. — в период блистательных побед Баян-чора, когда могущественному уйгурскому кагану для приведения к покорности кыргызов было достаточно послать малочисленный отряд, меньший, чем для борьбы с чиками³¹. Скорее всего городища уйгуров центральной и западной Тувы были построены в начале IX в., когда кыргызы значительно усилились³².

Таким образом, имеются все основания считать, что именно Пор-Бажин является той крепостью с дворцом, которая была построена Баян-чором в Туве в 750 г.

При ознакомлении с Селенгинской надписью в переводе С. Е. Малова может возникнуть вопрос, как увязать наше утверждение с сообщением надписи о сооружении крепости и дворца Баян-чора «у ключа». Но это место надписи отнюдь не противоречит нашим выводам. В тексте надписи стоит слово «башы» (голова), которое могло означать не только ключ, но и исток, верховье реки. Как исток, верховье реки, употребляется это слово и в современном тувинском языке. В одном из записанных нами преданий сказано, что Пор-Бажин был построен в местности Каа-Хем-базы, т. е. в истоках Малого Енисея. В этой связи следует напомнить об отмеченном выше интересном факте — широко распространен в Туве легенды о Пор-Бажин, утверждающей, что озеро возникло после сооружения крепости. Нельзя не учитывать и того, что десятки тысяч тонн строительных материалов, необходимых для строительства Пор-Бажин, вряд ли могли быть доставлены по воде. Долина, где находится оз. Тере-Холь, ледникового происхождения, но размеры озера даже на глазах старожилов довольно сильно меняются, с годами оно как бы растет. Возможно, что в VIII в. оно было сравнительно небольшим или даже его совсем не было, но на этот вопрос должны дать ответ исследования геоморфологов.

Следует отметить, что при строительстве дворца Баян-чора были использованы архитектурные традиции, сложившиеся у народов Восточной Азии в танское время. Характерно, что в архитектуре более поздних уйгурских городищ Тувы это влияние значительно ослабевает.

Вероятно, в строительстве дворца и крепости Баян-чора принимали участие также согдийцы, среди которых были, надо полагать, хорошие мастера-строители. Еще Рамстедт отмечал, что влияние согдийцев на уйгуров началось, по-видимому, при Баян-чоре, а вскоре среди уйгурских вельмож уже были приверженцы манихейства³³. От согдийцев уйгуры получили и свой алфавит, который затем перешел к монголам. Об участии согдийцев в сооружении по приказу Баян-чора на берегу Селенги уйгурского города Бай-Балыка имеется сообщение в

³¹ В Селенгинской надписи имеется в этом отношении очень ценное указание о том, что Баян-чор «послал против чиков тысячный отряд, в страну их союзников (кыргызов. — С. В.)... отправил немного людей» (С. Е. Малов, Указ. раб., стр. 41).

³² Кыргызы восстановили свою независимость, по-видимому, еще к 820 году (Г. Е. Грумм-Гржимайло, Указ. раб., стр. 348). С тех пор они стали очень серьезной угрозой для уйгуров. Борьба кыргызов с уйгурами не прекращалась в течение двух десятилетий, вплоть до разгрома Уйгурского каганата (Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. М. — Л., 1950, стр. 355.)

³³ Г. Рамстедт, Перевод надписи Селенгинского камня, стр. 49.

Селенгинской надписи³⁴. Согдийские колонии в Центральной Азии возникли задолго до походов Баян-чора³⁵, и их роль в культурной жизни многих народов Центральной Азии и Сибири во второй половине первого тысячелетия была, по-видимому, весьма велика.

После крушения Уйгурского каганата (840—842 гг.) под ударами кыргызов большинство уйгуров покинуло ранее занятую территорию, отойдя на юг в Ганьсу и Восточный Туркестан, но часть из них осталась на территории Тувы, где и ранее жили родственные им племена, в частности дубо³⁶. До недавнего времени в Западной Туве жила родовая группа, сохранявшая в своем названии этноним уйгур, бытовали предания об уйгурах³⁷.

В заключение хочется выразить надежду, что изучение Пор-Бажин — выдающегося историко-культурного памятника Центральной Азии — будет в ближайшее время продолжено.

SUMMARY

An island in the mountain lake of Tere-Khol lying in the upper reaches of the Maly Yenisei, Tuva Autonomous Soviet Socialist Republic, contains the ruins of the ancient fortress of Por-Bazhin. Archeological investigations and excavations on this site were conducted by the author of the present article in 1952, 1957 and 1963.

The fortress is rectangular in plan (211 by 158 metres). The remaining part of the outer adobe walls is approximately ten metres high. The entrance to the fortress is on the eastern side. Remnants of numerous dwellings and outhouses have been discovered within the fortress; in the central part, two palace structures have been excavated. The tile-covered roof of the palace was supported by wooden pillars with granite bases. Baked brick was used to face the socle of the palace. Its inner walls are plastered and painted with murals.

There is every reason to believe that Por-Bazhin is the very palace and fortress which, according to the «Selenga Inscription» discovered by G. Ramstedt, were built in 750 by the Uigur Kagan Moyun-Chur (Bayan-Chor), conqueror of Central Asia, on the outskirts of the Uigur Kaganate following the routing of the Chiks.

³⁴ С. Е. Малов, Указ. раб., стр. 43.

³⁵ С. Г. Кляшторный, Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии, М., 1964, стр. 119—122; его же, Согдийцы в Центральной Азии (по руническим текстам), «Эпиграфика Востока», т. XIV, 1961, стр. 29—31; E. Q. Pulleyblank, A Sogdian colony in Inner Mongolia, «T'oung Pao», т. 41, 1952, стр. 317—356.

³⁶ С. И. Вайнштейн, Очерк этногенеза тувинцев, «Уч. зап. ТНИИЯЛИ», вып. V. Кызыл, 1957, стр. 204—205.

³⁷ Там же, стр. 187—188. См. также: Н. Катанов, Письма из Сибири и Восточного Туркестана, «Записки Академии наук», т. XXII, приложение 8, 1893, стр. 8; Е. К. Яковлев, Этнографический обзор тюркского населения долины Южного Енисея, Минусинск, 1900, стр. 19. Самоназвание группы уйгур — ондар. Потомки этой группы в настоящее время населяют левобережье Хемчика.